

Рецензия на работу: Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. Коллективная монография / под ред. А.И. Миллера и К.А. Соловьева. М.: Квадрига, 2021. 788 с.; ил.

А.Ю. Полунов

Аннотация. Рецензия на коллективную монографию «Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916» под редакцией А.И. Миллера и К.А. Соловьева критически рассматривает основную теоретическую предпосылку издания, а также интерпретации отдельных аспектов развития Российского государства в указанный период. Автор рецензии отмечает общую продуктивность отказа от телеологического подхода в анализе истории Российской империи предреволюционного времени, но, вместе с тем, отмечает, что 1917 г. важнейшая веха, которая оказывает и будет продолжать оказывать значительно влияние на восприятие позднейшего периода. В рецензии показаны противоречия и недостатки избранного авторами коллективной монографии подхода. Автор выявил несколько примеров явного несоответствия авторских оценок эффективности различных имперских институтов. По мнению автора рецензии, в монографии удалось представить образ успешно развивающейся Российской империи, однако, почти полностью из фокуса внимания авторов выпал вопрос о конкретных причинах и процессах, приведших государство Романовых к системному кризису и распаду.

Ключевые слова: Российская империя, реформы, революция, А.И. Миллер, К.А. Соловьев, начало XX в.

Review on: Russian Empire Between Reforms and Revolutions, 1906–1916. Collective Monograph. Ed. by A.I. Miller and K.A. Solov'ev. Moscow: Quadriga, 2021. 788 p.; ill.

A.Yu. Polunov

Abstract. The review of the collective monograph “The Russian Empire between Reforms and Revolutions, 1906–1916” edited by A.I. Miller and K.A. Solov'ev critically examines the basic theoretical background of the publication, as well as interpretations of some aspects of the development of the Russian state in the chosen period. The author of the review points out the general productivity of the refusal of the teleological approach in the analysis of the history of the Russian Empire in the pre-revolutionary period, but, at the same time, notes that 1917 is the most important milestone, which has and will have a significant influence on the perception of the late-imperial period. The review shows the contradictions and shortcomings of the approach chosen by the authors of the collective monograph. The author of the review has identified several examples of apparent inconsistency in the assessments of the effectiveness of various imperial institutions. According to the author of the review, the monograph presents the image of successfully developing Russian Empire, however, the authors almost completely lost the focus on the specific causes and processes which led the Romanov state to the systemic crisis and the collapse.

Keywords: Russian Empire, reforms, revolution, A.I. Miller, K.A. Solov'ev, early XX century.

Период 1906–1916 гг., анализу которого посвящено рецензируемое издание, занимает особое место в истории России. Внимание ученых и широких кругов публики неизменно привлекает резкий контраст между характерными особенностями этого периода — сосуществованием монархии и органов парламентского типа, успешным, как принято считать, развитием экономики, проведением масштабной аграрной реформы — и разразившимся в 1917 г. революционным хаосом. Появление в жизни России новых для нее институтов — партийной структуры, большого количества независимых общественных организаций, внедрение в широких масштабах частной собственности на землю в аграрной сфере — заставляет во многих случаях рассматривать предреволюционное десятилетие как этап, существенно (или даже принципиально) отличающийся от последующей и предшествующей эпох в истории России, как тот момент ее существования, когда она двигалась в русле основных тенденций общемирового развития.

Авторы сборника, основанного на материалах конференции, проходившей в 2017 г. в Европейском университете (Санкт-Петербург), представили свою картину происходившего в России в предреволюционное десятилетие. Основной методологической установкой сборника, по словам его редакторов, стало представление о наличии альтернатив развития в 1906–1916 гг., многие из которых имели реальные шансы на реализацию. В качестве одной из главных задач провозглашается борьба против телеологизма, который, по мнению многих авторов сборника, был присущ советской историографии — стремления рассматривать период 1906–1916 гг. с точки зрения тезиса о закономерности и неизбежности революции, отыскивать в рамках этого периода прежде всего предпосылки событий 1917 г. Как отмечают редакторы сборника, участники конференции даже условились вплоть до завершающей дискуссии вообще не говорить о революции, а рассматривать тенденции развития страны «сами по себе», стремясь осмыслить их самостоятельную внутреннюю сущность (С. 7).

Целый ряд статей сборника вполне соответствует данной установке. По словам К.А. Соловьева, автора статьи о представительных учреждениях, Россия в 1906–1916 гг. достаточно успешно двигалась в сторону классической парламентской системы. Государственная дума уверенно расширяла свои полномочия, выходя за формальные рамки, прописанные в Основных законах. С точки зрения автора, существовавшая на бумаге система распределения власти уже не отражала реальную ситуацию, в рамках которой депутаты обладали значительным, хотя официально и не закрепленным влиянием на исполнительную власть (С. 72). Национальный вопрос, сыгравший столь значительную роль в период кризиса монархии, до начала Первой мировой войны не представлял, по мнению А.И. Миллера, серьезной угрозы для властей. Масса простых людей, а в некоторых случаях и элит на окраинах проявляла «национальное безразличие», т.е. уклонялась от националистической мобилизации. Существовавшие в тот период национальные движения выступали максимум за автономию своей этнической группы в составе многонационального государства, а монархия даже в начале 1917 г. «оставалась законным центром и

символом империи для значительной части традиционно мыслящего крестьянства, в том числе на окраинах» (С. 270).

В.В. Лапин в статье «Армия и флот России в 1906–1916 гг.» резко протестует против мнения о том, что предпосылки развала вооруженных сил империи в 1917 г. были заложены в предреволюционные годы. Автор утверждает, что проблемы обеспечения вооруженных сил вооружением и боеприпасами, которые встали перед Россией в начале войны, были не большими, чем у других воюющих держав, да и они в ходе войны успешно преодолевались (С. 326–327). Армия не испытывала сильного психологического шока от военных неудач и не переживала к концу 1916 г. состояния усталости, поскольку Россия оставалась традиционной крестьянской страной с «атомарностью идентичности», и известия о поражениях вряд ли серьезно влияли на умы большинства россиян (С. 329). Гибель большого количества кадровых военных в 1914–1915 гг. не оказала столь негативного воздействия на состояние вооруженных сил, как принято считать. Во-первых, в России было много образованных людей, из которых в краткий срок можно было подготовить полноценных командиров. Во-вторых, сама эта подготовка (теоретическое обучение) не имела большого значения, поскольку в годы войны все, в том числе офицеры, постигали премудрости военного дела главным образом на практике, «в окопах» (С. 341, 343). Распространенные в исторической науке представления о тяжелом состоянии вооруженных сил в годы войны, по мнению В.В. Лапина, были искусственно сконструированы советской историографией, дабы доказать неизбежность революции и правильность «непререкаемого учения о смене формаций» (С. 319). Данное учение автор, естественно, подвергает резкой критике. Но особенно отчетливо такая критика — как и утверждение о преобладании позитивных тенденций в предреволюционном развитии страны — звучат в статье М.А. Давыдова о столыпинской аграрной реформе и материалах Д.Л. Сапрыкина, посвященных истории прикладной науки, инженерной школы и промышленного развития России в 1906–1916 гг.

Статьи последнего автора, пожалуй, в наибольшей степени соответствуют определению «ревизионистских», которое, по мнению редакторов, характеризует содержание большинства статей сборника. Д.Л. Сапрыкин опровергает значительную часть устоявшихся мнений, касающихся промышленного развития России накануне революции. По его мнению, традиционная оценка доли страны в мировом промышленном производстве в этот период (5,3 %, 5-е место в мире) «явно неадекватна». В реальности эта доля составляла 8, а, возможно, и все 11 %, приближаясь к доле главного соперника — Германии (14,8 %) (С. 534). Крупнейшие российские, британские и немецкие промышленные компании были сопоставимы по масштабам. Роль иностранных капиталов, технологий и менеджмента в промышленности России преувеличена, стране вполне хватало собственных капиталов для успешного развития. Известный всеподданнейший доклад С.Ю. Витте 1900 г., в котором утверждается обратное, по мнению Д.Л. Сапрыкина, был сфальсифицирован в СССР или издан с искажающими его смысл купюрами (С. 550–551). По темпам роста производительности труда в промышленности «империя царей» обгоняла ведущие страны

Запада, она обладала старейшей и сильнейшей инженерной школой, начиная с 1910 г. с большим отрывом лидировала по количеству подготовленных инженеров (С. 485–487). Многие продукты российского промышленного производства с точки зрения технологических инноваций не имели аналогов в мире (С. 495). В России работал ряд крупных и инновационно-активных объединений компаний, реализовавших сложную технико-экономическую кооперацию различных отраслей (С. 518–521).

Насколько успешно, с точки зрения Д.Л. Сапрыкина, развивалась предреволюционная промышленность, настолько же мощным, по мнению М.А. Давыдова, был подъем сельского хозяйства, связанный, прежде всего, с проведением столыпинской аграрной реформы. Причина успеха коренилась в «радикальном расширении пространства свободы большинства населения страны» (С. 391). Показателями позитивных сдвигов, по мнению автора, помимо собственно стремления крестьян к индивидуализации землевладения, были развитие кооперации, повышение доходов населения, отражением чего стал рост вкладов в сберкассы, интенсификация ряда отраслей сельскохозяйственного производства, освоение Сибири. Критику в адрес столыпинской реформы, звучавшую, прежде всего, в советской историографии (в частности, указание на большое число крестьян, не сумевших закрепиться за Уралом), автор отвергает, объявляя ее основанной на неправильных подсчетах (С. 409). В целом, по мнению М.А. Давыдова, преобразования П.А. Столыпина и органически связанные с ними реформы С.Ю. Витте превратили Россию «в одну из самых динамично развивающихся стран в мире и позволили ей во многом преодолеть отставание от крупнейших держав». Это были «две взаимообусловленные стадии процесса модернизации страны, прямо связанные с увеличением уровня свободы ее жителей и повышением ее благосостояния» (С. 391). При знакомстве с нарисованной М.А. Давыдовым и рядом других авторов сборника картиной, однако, неизбежно возникает вопрос, от которого участники конференции попытались абстрагироваться, но который постоянно встает и перед ними, и перед читателем: почему столь успешное развитие не смогло предотвратить революцию или, по крайней мере, придать ей менее резкие формы?

Наиболее распространенный в научной литературе ответ на этот вопрос, к которому прибегают и многие авторы сборника, заключается в том, что благотворные сдвиги в экономической, социальной и политической жизни страны пришли слишком поздно, не успели дать плод и были сорваны войной. «Полемика о состоятельности реформ в первые десятилетия XX в. требует учета того, что масштабные перемены невозможны в сжатые сроки», — отмечает в связи с этим В.В. Лапин (С. 346). «Реформе Столыпина было отпущено немного лет, чтобы реализовать заложенный в ней потенциал», — указывает М.А. Давыдов (С. 450). Страна шла в правильном направлении, но успешное развитие было прервано мировым конфликтом, который выступает в данном случае как своеобразный *deus ex machina* для объяснения причин неудачи преобразований, форс-мажор, сугубо внешний по отношению к происходившему в стране фактор. С таким подходом трудно согласиться. Россия

вступила в войну не по принуждению — это был вполне осознанный выбор ее верхов, в целом закономерно вытекавший из основных тенденций предвоенного общественно-политического развития. Учитывая этот момент и ту огромную роль, которую участие в войне сыграло в судьбах России, следует отметить, что сборнику остро не хватает материалов, освещающих движение империи к мировому конфликту — разделов, посвященных принятию внешнеполитических решений (и в целом проблемам исполнительной власти), восприятию международных проблем общественным мнением¹.

Достаточно распространенным способом снятия противоречий, связанных с объяснением причин потрясений 1917 г., является указание на то, что они не были обусловлены крупными проблемами структурного свойства (кризис экономики, тяжелое положение армии), а носили более или менее «верхушечный» характер. «Политический кризис с конца 1916 г. вытекал не из экономики, а из борьбы за власть», — отметил в связи с этим участвовавший в прениях Б.Н. Миронов (С. 709). По мнению В.В. Лапина, не удачи на фронте расшатали государство, а, наоборот, распад системы государственного управления погубил армию. «Сначала рухнула политическая система, шатанию подверглись “устои государства”, и уже затем армия и флот перестали существовать» (С. 348). Подобный маневр, однако, лишь возвращает исследователя к исходной точке анализа, ставя вопрос о том, в силу каких причин рухнула политическая система и почему борьба за власть в верхах обрела такую остроту, что привела к развалу государства или, по крайней мере, сильно способствовала этому развалу. Нельзя не пожалеть в связи с этим, что в сборнике нет целостного обзора общественного движения в 1906–1916 гг.² и полностью отсутствует анализ движения массового, прежде всего, рабочего. Из-за подобного отсутствия многие события 1917 г. становятся необъяснимыми, картина происходившего в то время зачастую «повисает в воздухе».

В целом, анализ представленных в сборнике материалов показывает, что провозглашенный его составителями подход — максимально абстрагироваться от выявления предпосылок революции — срывает далеко не всегда, и тенденции, ведущие к этому событию, достаточно четко прочитываются при изучении явлений и процессов 1906–1916 гг. Это становится ясно, в частности, из знакомства с материалами, посвященными анализу существовавшей в стране партийной структуры (статьи К.А. Соловьева, А.А. Иванова и Ф.А. Гайды). Правомонархические партии, потенциально способные стать опорой властей, не смогли сыграть эту роль. Они были, как показано в статье А.А. Иванова, расколоты или маргинализированы

¹ Первый из указанных вопросов частично затрагивается в очерке К.А. Соловьева, отмечающего расгласованность действий отдельных членов правительства и большую роль неформальных влияний, субъективного фактора в ходе принятия решений (С. 60–70). Второй — в статье Ф.А. Гайды, освещающей позицию либералов по вопросу о вступлении России в войну (С. 105–106).

² Частично данные вопросы затронуты в разделе Е.А. Ростовцева, посвященном Санкт-Петербургскому университету, и в статье А.С. Тумановой «Публичное пространство России в 1906–1916 гг.».

«сверху» самим правительством из-за их «неуправляемости» и недостаточно последовательной поддержки проводимых властями преобразований (С. 154–158). При этом иную адекватную политическую опору власть себе не смогла создать. Такой не стали ни октябристы, достаточно быстро перешедшие в оппозицию правительству, ни слабый и зависимый от властей Всероссийский национальный союз. В целом, как показано в статье К.А. Соловьева об избирательных кампаниях в Думу, все партии в 1906–1916 гг. претерпевали процесс организационного ослабления (С. 88). Разветвленной сети организаций на местах у них так и не сложилось, но зато продолжала действовать, прежде всего, в Думе, активная и достаточно агрессивная политическая верхушка, которая, если говорить об оппозиционерах, вела все более энергичный натиск на власть.

Разворачивавшийся и накануне войны, и особенно в ее годы в явно конфронтационной манере, этот натиск, как представляется, говорил о том, что сложившиеся в Думе разного рода неформальные механизмы взаимодействия депутатов с исполнительной властью были неспособны преодолеть принципиальное противоречие между этими силами. Разумеется, никакие негласные договоренности и неофициально предоставляемые возможности не могли заменить руководителям думских партий официально утвержденного ответственного министерства, борьба за которое постепенно стала главным направлением их деятельности. При этом лидеры оппозиции прекрасно понимали, что царь пойдет на дарование ответственного министерства только под очень мощным натиском, близком по силе к революционным потрясениям. Это побудило их, в частности, пытаться создать под своим руководством «управляемый» сегмент массового движения в лице Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета. Однако, как показано в статье Ф.А. Гайды, деятельность даже этой «ручной» структуры продемонстрировала, что либералы не смогут удержать контроль над движением социальных низов, что окончательно стало ясно весной–летом 1917 г. (С. 131–134).

Основы самосознания простонародья и отчасти элит на окраинах империи, о которых пишет А.И. Миллер, действительно во многих случаях могли быть описаны как «национальное безразличие», но в этом и таилась серьезная опасность. Идентичность этих людей можно было форматировать в самых разных направлениях, чем и занялись различные политические силы, в том числе противники России, во время войны. Показательно, что, вступив в западные регионы империи после «великого отступления» русской армии в 1915 г., немцы были поражены слабым развитием национального самосознания белорусов — при том, что воздействие на культуру и представления этой части населения еще в 1860-е гг. было осознано российскими верхами как важнейшая часть проекта по созданию «большой русской нации» (С. 268). Форматирование окраинных идентичностей в антироссийском духе, предпринятое Германией, Австро-Венгрией и местными этническими активистами, наложило глубокую печать на последующее развитие России, а успех подобных мероприятий во многом облегчался неопределенным состоянием данных идентичностей в предшествующий период. Вызывает сомнение и тезис о сугубо

автономистских установках большинства национальных движений империи. Как показал Д. Сталюнас на примере литовского движения, лозунги автономии на практике могли прикрывать стремление к полной независимости, которое оставалось основной целью (С. 749). Т.И. Хрипаченко отмечает, что влиятельные национальные активисты (представители Грузии, Украины), даже соглашаясь на автономию в составе многонационального государства, были готовы в ходе дискуссий с русскими либералами передать центру лишь те полномочия, которые считали нужными, строить политическую систему «снизу вверх» (С. 287). Понятно, что попытка реализации этих установок на практике привела бы к радикальному изменению структуры государства.

В некоторых случаях материалы одних разделов сборника вступают в явное противоречие с другими разделами. При этом речь идет не о различии в оценках, определяемых разными научными позициями (это было бы вполне естественно), а о том, что относительно одних и тех же событий и явлений высказываются утверждения противоположного толка. Видимо, редакторам следовало как-то разъяснить эти разногласия. Факты психологической усталости армии к началу 1917 г. и снижения ее боеспособности, по мнению В.В. Лапина, не доказаны, но такие доказательства в изобилии содержатся в статье К.А. Тарасова о петроградском гарнизоне¹. Автор отмечает, что боевые качества армии снижались от притока солдат старших возрастов, на настроения которых негативное воздействие оказывали письма из деревни от семей, оставшихся без кормильца. К концу 1916 г. мобилизационные ресурсы страны были на исходе². Ежегодно в Петербурге и его окрестностях скапливалось несколько тысяч дезертиров. Будучи задержаны, они вновь направлялись в войска, что способствовало накоплению в армии «бунтарского элемента» (С. 370). В письмах солдат столичного гарнизона, находившихся в относительно благополучном положении, содержалась масса жалоб на грубое и жестокое обращение офицеров, выражалась ненависть к ним. Армия, по мнению К.А. Тарасова (ссылающегося на выводы известного эмигрантского историка А.А. Керсновского) «продолжала воспроизводить структуру имперского общества с его сословными ограничениями» (С. 387). Все это способствовало тому, что в апреле 1916 г. в частях петроградского гарнизона начались волнения, в частности, выступления солидарности с протестами рабочих, ставшие преддверием событий февраля 1917 г.

Очерк развития российской индустрии, представленный в статьях Д.Л. Сапрыкина, вступает в заметное противоречие с материалами П.А. Кюнга о промышленности в военные годы. Выясняется, что на момент вступления в войну Россия ввозила значительную часть топлива (прежде всего, угля) и около 50 % продукции химической

¹ В целом психологическое состояние армии и влияние на него слухов к настоящему времени досконально изучены в работах О.Б. Поршневой, А.Б. Асташова, Б.И. Колоницкого, В.Б. Аксенова. Непонятно, почему В.В. Лапин не считает работы этих авторов заслуживающими внимания.

² Это утверждение противоречит мнению В.В. Лапина (со ссылкой на историка С.В. Волкова) о том, что мобилизационный пресс в России был значительно слабее, чем в странах Запада, а доля погибших (относительно количества мужчин призывного возраста) — существенно меньше (С. 343).

промышленности из-за рубежа, что, естественно, создало после начала военных действий серьезные проблемы. Решить их было сложно, в частности, потому, что до войны в химическую отрасль инвестировали в основном германские концерны (по Д.Л. Сапрыкину, это не должно было бы иметь особого значения, ибо иностранные инвестиции были небольшими и носили в основном «пассивный» характер, т.е. не влияли на менеджмент и организацию производства). Авиационная промышленность в стране практически отсутствовала (имелись лишь небольшие частные мастерские, созданные энтузиастами), слабо развивались и смежные отрасли, такие, как автомобилестроение (С. 601, 607). Решить проблему снабжения армии могло бы подключение частной промышленности к производству вооружений, но сделать это было сложно, поскольку межотраслевое взаимодействие не было налажено (С. 598, 603). Частные (а иногда и казенные) предприятия не могли обеспечить необходимое качество продукции из-за недостаточно высокого уровня применяемых технологий (С. 606, 615). Одной из причин этого была нехватка инженерного персонала и квалифицированных рабочих (С. 599) — хотя, согласно Д.Л. Сапрыкину, Россия уже в предвоенные годы стала мировым лидером по подготовке инженерных кадров.

Все указанные проблемы привели к серьезным затруднениям в снабжении армии вооружением и боеприпасами. К концу 1916 г. удалось удовлетворить потребности войск в снарядах для легкой артиллерии (но начал чувствоваться недостаток самих орудий). Потребности железных дорог в подвижном составе, армии — в тяжелой и осадной артиллерии и в снарядах к ней так и не были удовлетворены¹. В плане обеспечения войск винтовками, пулеметами и патронами был взят курс на зарубежные поставки, однако они не могли решить проблему, поскольку промышленность стран-союзников была загружена заказами собственных правительств (С. 601, 605). Удивительно, что, приведя указанные данные, П.А. Кюнг тем не менее приходит к выводу, что «в период войны удалось решить основные мобилизационные задачи в экономике, наладить необходимый выпуск вооружения и боеприпасов» (С. 621). Видимо, на его подход к истории предреволюционного периода также повлияло представление о необходимости борьбы с «советским телеологизмом» — задача, о которой он говорит в начале своей статьи.

Энергичным сторонником подобного подхода, как отмечалось выше, является и М.А. Давыдов, статья которого рисует яркую, эмоционально насыщенную картину столкновения в жизни предреволюционной России полярно противоположных начал. Одно из них (негативное) — «извечный патернализм отечественной истории», другое (положительное) — принцип частной собственности, внедрение которого в жизнь страны начиная с 1906 г. немедленно дало чрезвычайно благотворный эффект. Власть и общество ранее не шли на проведение реформ, основанных на началах частной собственности, прежде всего из-за своей моральной и интеллектуальной ущербности — неспособности осознать законы, по которым функционирует современное общество. Едва ли можно согласиться с подобной манихейской

¹ Отметим, что та же ситуация существовала в сфере производства самолетов и автомобилей.

картиной — реальность была намного сложнее. Крестьяне держались за общину и ее институты (в том числе чересполосицу), поскольку она помогала им выжить в чрезвычайных условиях, служила институтом взаимопомощи. Само по себе частное землевладение не обеспечивало подъема агрикультуры, как и существование общины не препятствовало такому подъему¹. Показательно, что $\frac{3}{4}$ вышедших из общины крестьян выделились из нее без согласия сельского схода, т.е. власть при создании частного землевладения явно вынуждена была применять принуждение. Тезису о том, что успешному завершению реформы помешала лишь война, противоречит тот факт, что уже в 1911 г. началось сокращение основных показателей, характеризующих продвижение преобразований (количество заявлений о выходе из общины, число переселенцев, количество клиентов Крестьянского банка и ходатайств о землеустройстве). Всего из общины вышло около 27 % дворов, владевших 14 % общинных земель. На этом, видимо, реформа исчерпала свой потенциал. По мнению А.П. Корелина, выделив из своего состава зажиточные и обедневшие слои, община даже укрепилась, показав свою жизнестойкость².

Значительный рост вкладов в сберкассы и активизация участия крестьян в кооперации, которые рассматриваются как свидетельство успеха реформы, скорее всего, напрямую с ней не были связаны — они явились следствием повышения благосостояния из-за отмены выкупных платежей и следовавших один за другим (в силу благоприятных погодных условий) рекордных урожаев. По-видимому, эти сдвиги далеко не в равной мере коснулись различных слоев населения. Следует отметить, что в 1917 г. после начала радикальных политических изменений община поглотила не только помещичьи земли, но и основную массу хуторов и отрубов. Объясняя это явление, М.А. Давыдов в журнальной дискуссии с оппонентами заявил, что «в 1917 г. восторжествовала пугачевщина с трехлинейкой и пулеметами», которая и разрушила результаты реформ³. Однако остается неясным, откуда взялась эта «пугачевщина» и почему она восторжествовала, если благосостояние массы народа в предреволюционные годы устойчиво и заметно повышалось, и основная его часть стала собственниками?

По мнению ряда участников конференции (Е.А. Ростовцева, К.Н. Морозова), революционные потрясения были связаны с тем, что монархия не допускала к власти усилившиеся в начале XX в. социальные слои (рабочий класс, буржуазию, интеллигенцию) и либеральную общественность. Соответственно, если бы они получили более широкие права, потрясений бы удалось избежать. С этим утверждением также можно поспорить. И дело здесь не только в том, что, будучи допущены к власти, представители общественности в составе Государственной думы и

¹ На это, в частности, указывали П.Н. Зырянов и А.П. Корелин в своих очерках, посвященных реформе П.А. Столыпина (см.: Россия на рубеже веков. Исторические портреты. М., 1991. С. 63–64; Российские реформаторы XIX–начала XX в. М., 1995. С. 292–293).

² Российские реформаторы XIX–начала XX в. С. 289, 292–293.

³ Давыдов М.А. По поводу рецензии М.И. Роднова (письмо в редакцию) // Историческая экспертиза. 2017. № 3. С. 197.

Государственного совета занимались в основном политической агитацией, нежели текущей управленческой работой (см. очерк К.А. Соловьева, С. 27–28, 37–38, 41). Трудно уловить, каким образом программы лидеров тогдашней общественности помогли бы стабилизировать ситуацию в стране, направить ее в эволюционное русло. Примером могут служить установки эсеров, охарактеризованные в выступлении К.Н. Морозова (С. 735–739). По мнению исследователя, основы идеологии неонароднической партии были подлинно демократическими, так как отражали представления большинства населения. Однако в них имелся и «утопический элемент» (из контекста можно понять, что таковым был принцип уравнительного распределения земли, являвшийся не «элементом», а ключевым положением эсеровской программы социализации). Столкнувшись с сопротивлением зажиточных крестьян, эсеры, по мнению К.Н. Морозова, «не стали бы стрелять» в них. Они бы «изжили утопические элементы» своей программы (но что бы тогда осталось от нее?) или даже «через какое-то время все-таки отдали власть» (неясно, кому, ибо близки к народу из всех партий, согласно автору, были именно они). Пребывание эсеров у власти позволило бы укрепить демократические механизмы и политические свободы – вновь неясно, каким образом, ибо в отсутствие частной собственности трудно представить себе функционирование демократии. Партия, пытавшаяся совместить в своих установках столь разнородные начала, была обречена на крайне противоречивые действия или на бездействие. Последнее и стало во многих случаях характерной чертой позиции эсеров в период пребывания в составе Петросовета, Временного правительства и антибольшевистских правительств времен Гражданской войны.

Открывая сборник, его редакторы во введении подчеркнули, что «непредвзятый наблюдатель начала XX столетия констатировал факт позитивной динамики в социальной, экономической, политических сферах России того времени» (С. 19). Правильнее было бы сказать, что непредвзятый наблюдатель мог констатировать в каждой из перечисленных сфер одновременное развитие позитивных и негативных (с точки зрения сохранения существующего порядка) тенденций. Материалы большинства статей сборника не позволяют утверждать, что последние стремились к затуханию. Разумеется, особенности исторического развития в России 1906–1916 гг. еще не раз станут предметом внимания исследователей, которые будут выдвигать самые разные версии происходившего в те годы. Однако в любом случае осмысление событий 1917 г. – при всем стремлении историков дистанцироваться от «телеологизма», «поиска предпосылок» и «теории формаций» – будет оказывать сильнейшее влияние на этот анализ.